

Ю. Хижняк,

аспирант кафедры теории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

ПРИГОВОР ПОНТИЯ ПИЛАТА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОЛА (ПО РОМАНУ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Суд Понтия Пилата описан М. А. Булгаковым в так называемых древних главах романа «Мастер и Маргарита». В украинской юридической литературе отсутствуют работы, посвященные изучению творчества М. А. Булгакова на предмет наличия в нем идей о праве и государстве.

Цель данного исследования – проанализировать с точки зрения современной общетеоретической юриспруденции процесс суда Понтия Пилата, исходя из того, как он освещен в романе М. А. Булгакова.

Поскольку ершалаимские главы романа богаты интертекстуальными библейскими включениями, которые представлены в виде цитат, аллюзий, отсылающих к символам, образам, сюжетам и ситуациям из Библии [1, с. 1], следует подчеркнуть, что описание событий в текстах Евангелий и романе не совпадает. Эти несовпадения, безусловно, заслуживают отдельного исследования. И может показаться, что с целью избежания путаницы целесообразнее опираться исключительно на текст романа. Однако игнорирование писателем некоторых эпизодов из Библии, или наоборот, добавление каких-то новых, может помочь пролить свет на мнение Михаила Афанасьевича по тем или иным вопросам правовой и государственной жизни. Именно поэтому абсолютное отсутствие ссылок на текст Святого Писания не представляется возможным.

Иудея во время описываемых в романе событий находилась под властью Римской империи и с 6 г. н.э. являлась римской провинцией. Власть империи в

провинции представлял наместник или прокуратор, которым в интересующее нас время являлся Понтий Пилат. Резиденция прокуратора располагалась в приморском городе Кесария. В Иерусалим Пилат приезжал всего несколько раз в год – для контроля над сбором податей и судебных разбирательств.

Следует отметить, что Тацит и Тертулиан именуют Понтия Пилата прокуратором, Иосиф Флавий попеременно то прокуратором, то префектом. В 1961 году во время итальянских раскопок (спустя 21 год после смерти Булгакова) в Кесарии (средиземноморское побережье современного Израиля) был открыт «Тибериум» – небольшая площадка, посвященная Тиберию-императору, окруженная портиком и находящаяся перед зданием театра Герода. Там в посвященной надписи Пилат называет себя просто префектом [2, с. 658]. Эта находка вызвала большую сумятицу среди исследователей, и ныне преобладает точка зрения, что с 6 по 41 г. наместники Иудеи имели ранг префекта, а с 44 г. – прокуратора [3, с. 80]. Но поскольку в статье исследуется творчество Булгакова, согласно тексту писателя мы будем именовать Понтия Пилата прокуратором.

Верховным органом политической, религиозной и судебной власти в Иудеи был Синедрион. Великий Синедрион состоял из 71 члена. Малый местный Синедрион состоял из 23 человек. Председателем Синедриона в рассматриваемый период был первосвященник Иосиф Каифа.

Смертный приговор подсудимому был вынесен малым местным Синедри-

оном. О тех нарушениях юридической процедуры, которые были допущены при вынесении приговора, в романе речь не идет. Однако из Евангелий известно, что перед взятием под стражу не было проведено предварительное следствие, суд проводился ночью, в качестве основного доказательства использовалось признание своей вины подсудимым.

Т. Моммсен в «Римской истории» отмечает, что римские власти предоставили Синедриону право распоряжаться во всем, что касалось веры, нравов и судопроизводства и прямо не затрагивало римских интересов. Хотя в делах, касающихся римских граждан, и гражданская и уголовная юстиция была предоставлена ведению римских судов даже до присоединения страны к империи, но в делах, касающихся одних иудеев, гражданское судопроизводство оставалось преимущественно в руках местных властей и после присоединения к империи. Эти же власти заведовали и уголовной юстицией над иудеями сообща с римским прокуратором; только смертные приговоры они не могли приводить в исполнение без согласия императорских должностных лиц [4, с. 502].

Поскольку в правовой системе Иудеи были тесно переплетены религиозные и правовые нормы, то установить пределы юрисдикции римского прокуратора сложнее, чем кажется на первый взгляд. Риму не было выгодно контролировать все сферы жизни иудеев, поэтому религиозные вопросы, вопросы семейного, гражданского права находились в ведении местных органов. Тогда как римские власти интересовались только политическими преступлениями, т.е. теми преступлениями, которые посягали на государственную власть.

В то же самое время, ни один смертный приговор, даже религиозный, вынесенный местной властью, не мог быть приведен в исполнение без утверждения его римским наместником. Таким образом, Синедрион как высший судебный орган в сфере преступлений против веры мог признать Иешуа богохульником, и на этом основании приговорить

его к побиванию камнями, поскольку именно такое наказание предусматривало иудейское право за богохульство. И этот религиозный приговор Синедрион должен был передать на чисто формальное утверждение прокуратора (в романе Булгаков также намекает на формальность этой процедуры: в процессе допроса подследственного Пилат, терзаемый головной болью вспоминал, «какие еще *никому не нужные* вопросы ему придется задавать» [5, с. 351]). Формальное, потому что Пилат не мог рассматривать такие дела «по сути», ведь религиозные преступления попросту не были ему подсудны, для иудеев он был язычником, как и все римляне. Иудейское право запрещало даже входить в дом язычника накануне Пасхи, что также упоминается в романе Булгакова.

Известно, что Пилат был жестоким, надменным человеком и обвинялся во многих преступлениях, о чем писатель также не забыл упомянуть: «Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно» [5, с. 348]. Несмотря на такую недобрую славу среди иудеев, прокуратор проникся сочувствием к подследственному из Галилеи, более того, он решил спасти ему жизнь. И хотя вмешательство в вопросы веры не входило в компетенцию римлян, Пилат в ходе допроса установил, что преступление, которое приписывают Иешуа, он не совершал.

Преступлением этим было «богохульство», а если говорить конкретнее – Иешуа обвиняли в призывах к разрушению иерусалимского храма. Пилат спросил у подследственного: «Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?» [5, с. 347]. В иудаизме храм считается главной святыней, призывы к разрушению которой – это великое кощунство. Как пишет Э. Ренан «по иудейскому обычаю хула против храма является хулою против самого бога» [6, с. 166]. Иудеи верят, что в стенах их главной святыни пребывает бог. Однако о физическом разрушении храма Иешуа

никогда не говорил. Его ответ прокуратору был таким: «Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины» [5, с. 352]. Иешуа в иносказательной форме говорил о разрушении не здания храма, а старой системы веры, то есть состава преступления в его действиях не было.

Установив, что обвиняемый невиновен в преступлении, которое ему приписывают, Пилат вынес следующее решение: «игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа, по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает» [5, с. 356].

Однако члены Синедриона слишком сильно желали смерти Иешуа и не хотели упускать возможности переложить ответственность за казнь невиновного на римскую власть. Поэтому когда обвинение в богохульстве было отвергнуто Пилатом, члены Синедриона упорно стали приписывать подсудимому обвинения в политическом преступлении, апеллируя уже к нормам римского права, и требовали от римского наместника распять бродячего философа как государственного преступника – претендента на иудейский престол.

Когда Пилат прочел поданный секретарем документ, где содержались дополнительные обвинения в посягательстве на государственную власть, он изменился в лице, так как понял, что при таких обвинениях, у него нет никакой возможности спасти Иешуа.

Этот эпизод романа заслуживает дополнительного внимания, так как в нем Булгаков как бы отсылает читателя к советской действительности, к той атмосфере, в которой жил он сам. Когда Пилат прочел об обвинениях в посягательстве на императорскую власть, безусловно, он сразу же вспомнил императора Тиверия. И нельзя сказать, если

исходить из текста Булгакова, что император вызывал у него приятные эмоции или хотя бы уважение как высшее лицо в государстве, как само воплощение государственной власти. «Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец. На лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью. Запавший беззубый рот с отвисшей нижней губой... и очень явно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...» [5, с. 356]. Эти мысли Пилата кардинально расходятся с его последующими словами: «На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия!» [5, с. 358]. Для советской действительности было характерно такое же низкопоклонство и пресмыкательство перед представителями власти.

После этих слов «прокуратор с ненавистью почему-то глядел на секретаря и конвой» [5, с. 358]. Можно предположить, что Пилат прекрасно понимал, что не может позволить себе быть самим собой, что единственный выход – притворяться, изображая верного слугу императора. Ведь тот же секретарь, те же конвоиры, скажи он хоть слово, которое позволило бы усомниться в его преданности империи, донесли бы на него. Поэтому разговор с обвиняемым прокуратор вел очень осторожно, иногда говорил намеками, так, чтобы случайно не выдать своей личной симпатии к государственному преступнику. Им овладел страх не только за свою должность, но и за свою жизнь. Булгаков хорошо знал, что именно такой страх руководил людьми в той стране, в которой жил он сам, страх перед доносами, клеветой, оговорами, страх, который является одной из главных черт тоталитарных режимов.

Итак, получив новую информацию по рассматриваемому делу, Пилат задал подследственному следующий вопрос: «... ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре?» [5, с. 357]. Когда Ие-

шу начал рассказывать историю о том, при каких обстоятельствах он говорил о своем отношении к государственной власти, прокуратор понял, что арест обвиняемого не был случайным: это было заранее спланированное мероприятие при участии Иуды, подкупленного первосвященником.

Пилат понял это из слов подсудимого о светильниках, зажигание которых является неотъемлемым атрибутом процедуры ареста. Э. Ренан в книге «Жизнь Иисуса» описывает юридическую процедуру привлечения лица, виновного в богохульстве, как она изложена в Талмуде. «При обвинении человека в «богохульстве» представляют двух свидетелей и прячут их где-нибудь за перегородкой, обвиняемого стараются привести в смежное помещение, чтобы свидетели могли слушать его, не будучи ему видны. Возле обвиняемого зажигаются две свечи, дабы занести в протокол, что свидетели его «видели»» [6, с. 165].

Булгаков пишет:

«— Дело было так, — охотно начал рассказывать арестант, — позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из города Кириафа. Он пригласил меня к себе в дом в Нижнем Городе и угостил...

— Добрый человек? — спросил Пилат, и дьявольский огонь сверкнул в его глазах.

— Очень добрый и любознательный человек, — подтвердил арестант, — он выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...

— Светильники зажег... — сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали.

— Да, — немного удивившись осведомленности прокуратора, продолжал Иешуа, — попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал» [5, с. 357].

Из разговора с обвиняемым Пилат прекрасно понимал, что доказательств того, что Иешуа хотел свергнуть римскую власть, нет. Было очевидно, что он

не собирался возглавлять антиримское восстание и становится политическим предводителем. Таким образом, обвиняемый не нарушал римских законов. Но, несмотря на это, Пилат из трусости перед кесарем всё же утвердил приговор с надеждой еще на одну лазейку, с помощью которой он сможет спасти невиновного.

Дело в том, что существовал обычай освобождать одного преступника по случаю праздника Пасхи. Прокуратор предложил первосвященнику Каифе: «Вар-равван и Га-Ноцри схвачены местной властью и осуждены Синедрионом. Согласно закону, согласно обычаю, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника пасхи» [5, с. 362].

Но прокуратор столкнулся с препятствием — Синедрион все равно попросил отпустить Вар-раввана, хотя несправедливость и незаконность такого решения были очевидны. «Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ вызывает его изумление» [5, с. 362]. Он прямо заявил о своей несогласии первосвященнику: «В самом деле: преступления Вар-раввана и Га-Ноцри совершенно несравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Ершалаиме и других некоторых местах, то первый отягощен гораздо значительнее. Мало того, что он позволил себе прямые призывы к мятежу, но он еще убил стража при попытках брать его. Вар-равван несравненно опаснее, чем Га-Ноцри» [5, с. 362].

Интересно, что в романе Пилат символично трижды переспрашивает Каифу, действительно ли Синедрион освобождает Вар-раввана. Интересно это потому, что согласно Новому Завету Пилат не у первосвященника, а у народа переспрашивал трижды, кого ему отпустить. И именно третий по счету ответ толпы стал решающим для Пилата: он отпустил им Вар-раввана, а Иисуса

предал им на казнь. Характерно, что у Булгакова толпа лишена какого-либо права голоса, именно Пилат принимает окончательное решение казнить Иешуа после того, как Каифа в третий раз озвучивает решение Синедриона.

С юридической точки зрения такое решение Пилата является проявлением судебного произвола: судья (Понтий Пилат), сам признавая несколько раз, что подсудимый – невиновен, что в его действиях нет состава преступления, всё же утверждает смертный приговор. Кроме того, дарует помилование другому подсудимому, вина которого доказана.

Итак, фактическая юридическая процедура была нарушена в процессе суда над Иешуа. Но следует разобраться также и в том, насколько нормативная модель этой процедуры соответствовала реальным отношениям, которые существовали в обществе. А именно – насколько законно и эффективно было возлагать полномочия по утверждению приговора на Понтия Пилата. Ведь он не был субъектом иудейского права, не обладал необходимым уровнем профессионального правосознания, чтобы давать заключения по делам преступников, которые посягали на основы веры.

С другой стороны, еще одна судебная инстанция в лице прокуратора могла бы быть эффективна в противодействии незаконным решениям местной власти. Действительно, если бы Пилат поступил в соответствии со своим внутренним убеждением, сложившимся у него в результате исследования доказательств по делу и допроса обвиняемого, то законность процедуры была бы соблюдена, и это бы подтверждало целесообразность участия римских властей в утверждении приговоров. Но Пилат принял решение, которое не соответствовало ни нормам права, ни его внутреннему убеждению. Справедливо задаться вопросом, неужели представитель власти великой Римской империи не мог вынести решение, которое бы не шло

в разрез с его собственным мнением и требованиями закона?

Проблема была в том, что отношения Пилата и местной духовной власти были очень напряженными. Известно, что однажды прокуратор повелел, в знак господства над Иудеей римских легионеров, повесить на воротах Иерусалима щиты с изображением императора. Иудеи увидели в этом оскорбление их религиозных чувств, ибо закон Моисея запрещал изображать людей, видя в этом проявление идолопоклонничества. Их требование снять щиты Понтий Пилат отверг по политическим, а не религиозным соображениям. Тогда иудеи послали в Рим донос на Пилата, обвиняя его в нарушении их традиций и верований. Понтию Пилату как-то удалось замять конфликт, но его осадок осел тяжелым воспоминанием в памяти прокуратора Иудеи [7]. Булгаков также не упустил этот исторический факт, он звучит в словах самого Пилата, в диалоге с первосвященником: «Вспомни, как мне пришлось из-за вас снимать щиты с вензелями императора со стен» [5, с. 365].

Безусловно, на решение Пилата повлияла общая обстановка, которая царил в Римской империи. При Тиберии стал выработываться эффективный механизм укрепления власти принцепса в форме нового толкования древнего закона об оскорблении величия римского народа. Обвинение в таком преступлении грозило самыми строгими наказаниями вплоть до смертной казни. Строгость наказаний по этому закону предопределила в республиканский период небольшой набор обвинений (государственная измена, организация мятежа, клятвопреступление, убийство магистрата и др.) и редкость его применения. Тиберий и его окружение существенно переосмыслили содержание этого закона. Теперь главным объектом защиты стал не римский народ, а принцепс, император, который с правовой точки зрения как бы олицетворял величие римского народа. Вместе с этим резко

расширился объем обвинений и диапазон применения этого закона: под его ведение попадали даже мелкие нарушения и незначительные проступки, такие, как повреждение статуи принцепса, переодевание или драка рядом со статуей Августа, недостаточная похвала о каком-либо мероприятии или речи принцепса, расплата монетами с изображением Августа за утехы в публичном доме и др. Широкое применение этого закона, жестокость наказаний создавали благоприятные условия для доносов, формировали климат страха и подозрительности, практически неизвестный в эпоху Республики [8, с. 204].

Понтий Пилат, зажатый в тиски своей должности, беспокоящийся о собственной жизни, был вынужден вести двойную жизнь, что приводило к постоянным конфликтам с самим собой. В финале, когда Мастер и Маргарита видят сидящего в кресле на плоской горной вершине Пилата, Воланд говорит им, что прокуратор все время говорит «одно и то же. Он говорит, что и при луне ему нет покоя и что у него плохая должность» [5, с. 707]. Прокуратор жалуется на то, что у него плохая должность, давая, таким образом, понять авторскую идею о том, что никакой должностью, должностными обязанностями, государственными нуждами нельзя оправдывать несправедливое, неправовое решение, нарушающее права человека.

Ключевые слова: юридическая процедура, Пилат, приговор, Синедрион.

Статья посвящена рассмотрению процесса вынесения судебного решения Понтием Пилатом по делу Иешуа Га-Ноцири, исходя из описания суда, изложенного в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Проанализированы нарушения юридической процедуры, которые были допущены в ходе суда Пилата, а также причины принятия прокуратором неправосудного решения.

Статья посвящена розгляду процесу винесення судового рішення Понтієм Пилатом у справі Іешуа Га-Ноцирі, виходячи з опису суду, наведеного в романі М. О. Булгакова «Майстер і Маргарита». Проаналізовані порушення юридичної процедури, які були допущені в ході суду Пилата, а також причини прийняття прокуратором неправосудного рішення.

The article deals with the process of Pontius Pilate's adjudication on the Joshua case proceeding from the trial description as depicted in the novel «Master and Margaret» by M. Bulgakov. Violations of legal procedures in the Pilate's trial as well as reasons of procurator's unjust decision were researched into.

Литература

1. Крапівник Г.О. Біблійний інтертекст творів Л. М. Андреева і М. О. Булгакова : автореф. дис.... канд. філол. наук ; спец. : 10.02.02 – російська мова / Г.О. Крапівник. – Х., 2009. – 19 с.
2. Домбровский Ю.О. Суд над Христом / Факультет ненужных вещей: Роман в двух книгах. – М.: Советский писатель, 1989. – 720 с.
3. Федосик В. А. Титулатура первых римських наместнико в Иудеи в источниках / В. А. Федосик // Лістапада скія сустрэчы-8 : зб. арт. на матэрыялах Міжнар. навук. канф. у гонаракадэміка М. М. Нікольскага і У. М. Перцава / навук. рэд. В. А. Фядосік, І. А. Е тухо . – Мінск : БДУ, 2011. – С. 78-86.
4. Моммсен Т. Римская история : в 5-ти томах / Теодор Моммсен ; пер. В.Н. Неведомского. – М. : Издание К.Т. Солдатенкова, 1885. – Т. 5. : Провинции от времен Цезаря до времен Диоклетиана. – 672 с.
5. Булгаков М.А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2 / Сост. и коммент. Л.М. Яновской. – К.: Дніпро, 1989. – 750 с.
6. Ренан Э. Жизнь Иисуса. – М.: Амрита-Русь, 2004. – 224 с.
7. Сапунов Б. В. Земная жизнь Иисуса [Электронный ресурс] / Б. В. Сапунов. – Режим доступа : <http://sir35.narod.ru/Sapunov/NEWIISUS/G14.htm#N1>
8. История Древнего Рима: Учеб. для вузов по спец. «История» / В.И. Кузицин, И.Л. Маяк, И.А. Гвоздева и др.; Под ред. В.И. Кузицина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2000. – 383 с.